

RU

Анкеты участников первого культурно-национального совещания 1926 г. как источники по истории становления и развития бурятского языка

Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С., Аюшеева М. В.

Аннотация. Цель работы - исследовать мотивы принятия решений участниками первого культурно-национального совещания 1926 г., когда ими был взят курс на единую монгольскую культурную общность, в том числе и в вопросе дальнейшего исторического развития бурятского языка, составить социокультурный портрет интеллигенции бурятского народа. **Научная новизна:** подробно исследованы анкеты участников культурно-национального совещания, выявлены характеристики участников по роду деятельности, происхождению, уровню образования, языковой квалификации. **В результате** анализа анкетных данных выявлена роль делегатов первого культурного совещания в процессе самоидентификации бурятского народа, исследованы причины выбора участниками совещания письменно-монгольского языка как основного диалекта молодой республики.

EN

Questionnaires of Participants of the First Cultural-National Meeting of 1926 as Sources on History of the Buryat Language

Vanchikova T. P., Rinchinova O. S., Ayusheeva M. V.

Abstract. The research objectives are as follows: to reveal the motives the participants of the first Cultural-National Meeting of 1926 were guided by when adopting a course towards the all-Mongolian cultural community (the decision that determined further development of the Buryat language), to present a sociocultural portrait of the Buryat intelligentsia. The authors analyse the participants' questionnaires paying special attention to personal information (occupation, social origin, educational level, language competence), which constitutes scientific originality of the study. The research findings are as follows: relying on the conducted analysis, the authors identify the role of the first Cultural-National Meeting in the process of the Buryat people's self-identification, consider the participants' motives for choosing the written Mongolian language as a basic dialect of the newly created Republic.

Актуальность исследования истории становления бурятского языка во время первого культурно-национального совещания обусловлена проблемным состоянием бурятского языка на современном этапе и тем резонансным обсуждением его положения в среде общественных деятелей Республики Бурятия и процесса выработки стратегии развития национальных языков и языковой политики в целом в стране.

Для достижения поставленной цели были обозначены следующие **задачи**: проанализировать анкеты участников совещания, сохранившиеся в общем архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; воссоздать объективную социальную картину первого собрания бурят; определить уровень образованности, владения ими бурятским языком, старописьменной монгольской письменностью.

Основными **методами исследования** являются источниковедческий, статистический и факторный анализ.

Теоретической базой исследования послужили архивные документы: анкеты, резолюции совещания, протоколы.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что анкетные данные и сделанный на их основе социокультурный портрет участника первого съезда бурят, а также материалы совещания,

резолюции и решения, принятые участниками совещания, могут быть востребованы в современном бурятском обществе для решения ряда практических задач по изучению и сохранению культуры, языка, истории.

Результаты исследования: анализ анкет позволил определить состав участников совещания и выявить, что они были представлены наиболее передовыми педагогическими, административными, научными работниками, через которых осуществлялось культурное и национальное строительство республики. Авторы пришли к *выводам*: анкетные данные позволили оценить роль первого культурного совещания в процессе самоидентификации бурятского народа, понять причины выбора участниками совещания письменно-монгольского языка для повсеместного употребления, несмотря на ряд его несовершенств. Представленные в статье материалы ясно свидетельствуют о наличии сложной ситуации с языковой политикой в республике и об осознании всеми участниками необходимости принятия решения об объединении усилий в языковом строительстве с монголами на основе принятия халха-монгольского языка. Выступления ораторов совещания затрагивали разные аспекты вопросов сохранения и развития бурятского языка, являющиеся до сих пор спорными и актуальными.

Одним из знаковых событий для культурного развития Бурят-Монгольской республики 1920-х гг. явилось первое культурно-национальное совещание, проходившее в г. Верхнеудинске с 19 по 26 сентября 1926 г. На данном совещании был поднят широкий круг вопросов национального строительства Буреспублики, но основными явились проблемы национализации школы и языковая политика.

Изучение корпуса архивных источников по культурно-национальному совещанию 1926 г. проводилось исследователями бурятского языка и истории в разных контекстах, так, большое внимание анализу докладов, резолюций и решений совещания по вопросу бурятского языка уделила В. В. Базарова [1-4].

В данной статье впервые детально исследуются анкетные данные участников для того, чтобы понять мотивы решений, принятых по вопросу сохранения бурятского языка, что поможет в осмыслении современных процессов его состояния и развития как второго государственного языка в Республике Бурятия [1; 3-5; 8]. Имевшие место мероприятия в современной истории Бурятии по обсуждению данной проблемы пришли к неутешительным выводам о том, что вопросами сохранения языка занимаются уже более 30 лет, но ситуация стала радикально хуже, чем когда-либо в истории [6]. В связи с этими процессами важно обратиться к предыстории вопроса, который был острым на протяжении всей столетней истории республики и волновал общественность с первых дней ее создания.

Организатором данного совещания по линии Наркомпроса явился Бурят-Монгольский ученый комитет, сотрудниками которого были озвучены основные доклады, посвященные языковой квалификации, национализации школы, деятельности Буручкома. В данном совещании приняли участие работники сферы образования (как административные сотрудники – заведующие районными отделами образования, так и простые учителя), культработники, научные деятели, представители властных структур. Председатель Совета народных комиссаров Бурят-Монгольской АССР и Центрального исполнительного комитета БМАССР М. Н. Ербанов (1889-1938) в заключительном выступлении о значении и роли данного совещания отмечал: «Не было такого момента, когда весь авангард культурно-национальных работников Бурятии собирался и обсуждал все те вопросы и задачи, которые имели не только узко-национальный характер, но и политическое значение, выходящее далеко за пределы Буреспублики, в частности для всего Монгольского Востока» [9, д. 329, л. 77].

В Общем архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН представлены архивные материалы по подготовке, проведению и итогам совещания 1926 г. Особую ценность имеют стенограммы совещания, протоколы, анкеты участников, черновики докладов, проекты резолюций и решений [Там же, д. 317, 326-330, 338]. Материалы совещания 1926 г. неоднократно привлекались для изучения культурно-национального и языкового строительства Республики Бурятия в 20-е гг. прошлого столетия [2; 3; 7]. Однако вне поля зрения исследователей оставался ряд источников личного происхождения – анкеты участников совещания, в то время как для анализа принятых решений и резолюций, а также позиции отдельных докладчиков и выступавших необходимо учитывать биографические сведения и мировоззренческую позицию конкретных людей. Анкеты являются ценным источником биографических данных образованной и культурной интеллигенции 20-х гг., которая значительно пострадала во время трагических событий 30-х гг., имена многих деятелей культуры и образования до сих пор остаются в тени.

В настоящей статье предпринята попытка определить социальный портрет участников культурно-национального совещания 1926 г., их культурный и образовательный уровни в зеркале принятых резолюций и решений. В связи с этим были поставлены следующие задачи: дать источниковедческое описание и статистический анализ анкет участников, на основе чего показать социальный портрет участников совещания.

Для характеристики состава участников нами привлечены анкеты участников совещания, которые отложились в архивном деле № 328. В деле представлено 96 анкет, каждая на печатном бланке формата А4. Часть анкет была заполнена секретарем Бурятского ученого комитета, о чем свидетельствует одинаковый почерк. Основная же масса документов заполнена собственноручно участниками культурного совещания. Каждая анкета заверена личной подписью. Две анкеты были написаны на старо-монгольской письменности. Анкеты заполнены как чернилами (синего, фиолетового цветов), так и карандашом (простым, химическим).

О количестве участников можно судить по ряду документов. Так, согласно «Карточке по учету съездов, конференций, совещаний и т.п. (республиканского масштаба) по Бурят-Монгольской АССР на 1926 г.», в совещании приняло участие «а) с решающим голосом – 88 м., 6 ж., общее число 94; б) с совещательным – 2 м., 1 ж., общее число 3. Всего 90 м., 7 ж., общее число 97» [10, д. 21, л. 2]. Также среди материалов о подготовке совещания

практически полностью сохранились письма о рассылке специально изданной к совещанию брошюры с основными докладами «Материалы к первому культурно-национальному совещанию БМАССР» (Верхнеудинск, 1926). Данная брошюра высылалась строго по спискам предполагаемых участников с пометой вернуть нерозданные экземпляры. Согласно письмам, от каждого района предполагалось командировать от 5 до 8 делегатов. Количество делегатов от районов можно установить и на основе «Списка участников культсовещания, получивших «Материалы» к данному совещанию. Издания Бурят-Монгольского ученого комитета», с пометкой «мандаты от 18/IX за № 1571 розданы всем участникам переч[исленным] в этом списке» [9, д. 317, л. 1-2]. Список состоит из 109 фамилий (100 – напечатаны машинописным способом, 9 – вписаны от руки). Напротив большинства фамилий стоят личные подписи участников. Однако в деле № 328 представлено только 96 анкет.

Анкета содержит 16 вопросов: 1) Ф.И.О.; 2) год и место рождения; 3) национальность; 4) образование (название учебного заведения, где вы учились); 5) партийность и стаж; 6) социальное положение; 7) с которого года находитесь на общественной работе и на каких должностях: до революции, за время революции, после революции 1917 г.; 8) с какого года, на какой культурной работе и в качестве кого вы работали; 9) имеете ли печатные и какие труды, где, кем и когда они печатались (на каком языке); 10) владеете ли разговорно-бурятским языком и на каком диалекте; 11) знаете ли монгольскую письменность; 12) каким языком (русским, бурятским) лучше владеете; 13) владеете ли (кроме русского) иностранным языком, каким именно и в какой степени; 14) на какой работе, где и в качестве кого сейчас работаете; 15) по какой специальности желали бы работать; 16) в каком профсоюзе состоите.

Ответы на вопросы позволяют очертить образовательный уровень, социальное положение участников. По результатам обработки ответов на вопрос № 8 «С которого года находитесь на общественной работе и на каких должностях: до революции, за время революции, после революции 1917 г.» видно, что наибольшее количество составили те, кто указал себя партийными работниками – 33,3%, затем по убывающей: учителя – 25%, административные функции несли 20,8% из участников съезда, заведующими районными отделами образования, заведующими училищами или школами назвались 5,2%, научными сотрудниками, врачами и работниками юстиции – по 2,1%, не работали в этот период 7,3%. Не указали род деятельности 2,1% респондентов. Среди всех участников членами партии состояло 52%, беспартийные составили 47,9%.

Эти данные показывают социальные характеристики бурятской интеллигенции, пути приобретения социального статуса, который строился в основном по партийной линии.

Вопрос анкеты № 14 «На какой работе, где и в качестве кого сейчас работаете?» позволил отследить служебную карьеру каждого участника. Среди участников наибольшее количество составили работники сферы образования – как управленцы, так и рядовые учителя; далее – административные и партийные работники (по 18,8%), также в совещании приняли участие врачи, народный судья, переводчики и научные сотрудники.

Если сравнивать данные вопросов №№ 8 и 14 в динамике, то стало меньше учителей на 10%, в то же время число работников сферы образования на руководящих должностях увеличилось на 15,6%, что говорит о том, что учителя, подготовленные во время революции, к 1926 г. стали управленческими кадрами.

Из анализа ответов на вопрос о социальном положении явствует, что 28% бурятской интеллигенции назвали себя служащими, 20% – выходцами из крестьян, 16% – выходцами из сословия скотоводов, 15% назвали себя крестьянами-середняками, 12% решили указать, что они бедняки, 6% назвали себя интеллигентами и по 1% – пролетарии, казаки и те, кто решил не указывать свое социальное происхождение. При этом в данной графе о социальном положении один участник – М. Н. Ербанов указал свое семейное положение, видимо по ошибке.

Что касается уровня профессиональной подготовки, большая часть участников обладала средним специальным образованием – 44,8%, диплом о высшем образовании имели 21,9%, неоконченное высшее образование было у 6,3%, среднее образование имели 9,4%, начальное – 6,3%, домашнее – 8,3%, и 7,3% участников составили студенты вузов. Большинство участников с высшим образованием закончило вузы Иркутской области, и 3 человека окончили столичные вузы.

На данном совещании наиболее дискутируемым вопросом явился вопрос о языковой квалификации, о необходимости разработки единого письменного языка, о выборе графической системы записи. Следует пояснить, что восточная часть Бурятии находилась под влиянием монгольского и буддийского мира. Потому в ее среде была широко развита вертикальная монгольская письменность. Западная же часть республики являлась более русифицированной и практически не владела монгольской письменностью. Также участники совещания представляли разные диалектные группы. Потому всеми присутствующими осознавалась необходимость разработки и принятия единого, объединяющего разные группы бурятского населения республики, литературного письменного языка, языка просвещения и культурного роста.

Согласно вопросам анкеты выяснению состояния и степени языкового владения участников уделялось особое внимание: уточнялся диалект, знание монгольской письменности, иностранных языков.

Так, 94% участников совещания указали, что владеют бурятским языком, при этом на западном диалекте говорили 30,2%, на восточном диалекте разговаривали 11,5%. Также среди диалектов были указаны – аларский, северо-байкальский, хоринский, халхаский, агинский, баргузинский, селенгинский и др. диалекты и наречия. 18% не указали, каким именно диалектом владеют.

По представленным анкетам 87 человек указали свою национальную принадлежность как буряты, при этом 68,8% назвали себя бурятами, 25% – бурят-монголами. Анализ этих ответов говорит об усиливающейся самоидентификации бурят, бурят-монголами они в массе своей уже себя не считали. На 12-й вопрос ответы участников, указавших национальность «бурят» или «бурят-монгол», распределились следующим образом: лучше владеют родным языком 40 человек, в одинаковой степени 20 человек владеют русским и бурятским,

27 человек указали, что лучше владеют русским языком. При этом о знании монгольской письменности указало менее половины участников.

В графе о месте рождения участники совещания указали: 45,8% – с западных районов, с районов проживания хори-бурят – 15,6%, выходцев из Баргузинской долины было 5,2%, Селенгинской – 4,2%, в Верхнеудинске родились 3,1%. 21,9% не указали место рождения. Как видим, большинство участников были выходцами из западных районов этнической Бурятии.

Подавляющее число участников – 71% – не обладали знанием иностранных языков, 14 человек владели немецким языком, 6 – английским, 5 – французским, 3 – тибетским. Также в единичных случаях указаны санскрит, китайский, еврейский, украинский язык, латынь и греческий. Ряд ответов содержит и степень владения: «немного», «слабо», «только читаю», «начал изучать», «раньше изучал, но забыл».

В стенограммах совещания отражены дискуссии по вопросу принятия формы и типа письменного языка бурят. Одним из активных сторонников объединения усилий с монгольскими коллегами был Б. Барадин, который в своем докладе озвучил: «Монгольские племена, в том числе бурят-монголы, хотя разобщены между собою в территориально-политическом и хозяйственно-экономическом отношении, но в языковом, культурно-этническом отношении представляют единое нераздельное целое» [Там же, д. 330, л. 135].

Следует отметить, что история вопроса о реформе монгольского алфавита к тому времени имела два течения: консервативное и реформистское. Один из основных докладчиков по вопросам языка профессор Г. Ц. Цыбиков и его сторонники были представителями консервативного направления. Они выступали за сохранение монгольского алфавита и были против проведения какой-либо реформы. Основное положение, на котором базировалось это течение, заключалось в том, что монгольская письменность с ее многовековой историей имеет общемонгольское национальное значение. По мнению Г. Цыбикова, любая реформа письменности и установившейся литературной традиции приведет к забвению и уничтожению накопленного веками интеллектуального наследия монголов, а отсталость и несовершенство монгольского письменного языка и его алфавита нетрудно устранить путем правильной постановки школьного дела и других организационных мероприятий [Там же, л. 242-249].

Б. Барадин, подчеркивая общность исторического развития с монгольским миром, настаивал на необходимости дальнейшей проработки языковой квалификации, а в качестве одной из возможных реформ письменности называл латинизацию бурятского языка [Там же, л. 7-73].

Мнение всех сторон совпадало в вопросе усиления работы по созданию бурятского единого литературного языка, и в ходе совещания была принята не без противостояний резолюция по докладам Г. Цыбикова «Монгольская письменность как орудие культурного строительства Бурятии» и Б. Барадина «Вопросы повышения квалификации монгольской языковой культуры», согласно которой разработка проблем языковой квалификации должна решаться с учетом общемонгольского масштаба. При этом сохранение монгольской национальной письменности было признано необходимым в деле реализации дальнейшего развития в области культурно-национального строительства Бурятии, а «в целях объединения существующих у бурят-монгольского народа различных наречий для выработки литературного языка признать необходимым взять за основу... халха-монгольское наречие с охватом всего лексического состава нынешнего литературного монгольского языка и главнейших живых наречий монгольских племен» [Там же, л. 229].

Как свидетельствуют анкетные данные, 39,6% участников совещания умели читать и писать на старомонгольской письменности, 35,4% не владели письмом, 21,9% плохо владели монгольской вертикальной вязью, и 3,1% предпочли не отвечать на данный вопрос. То есть большинство участников не владели письменномонгольским языком, а на знание халха-монгольского диалекта указало незначительное число участников.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. Анкеты содержат ценную информацию о личных данных, уровне образования, партийности, знании языков, в том числе родного, трудовом стаже и представляют собой важную документальную информацию, характеризующую сложную языковую ситуацию, из которой складывалась непростая судьба бурятского языка. Также анкеты являются своеобразной иллюстрацией института гражданского общества этнической Бурятии и имеют научно-исследовательскую значимость для выяснения социального портрета бурятской интеллигенции начала XX в.

Объединение двух бурятских республик – Дальневосточной Республики и РСФСР, – создание первой научной организации – Буручкама, становление государственного аппарата, потребность в формировании новых учреждений культуры и образованных кадрах вызвали необходимость в проведении мероприятия, на котором могли быть затронуты актуальнейшие вопросы культуры, образования и языка бурятского народа. Этим знаковым событием в жизни Бурятской-Монгольской АССР явилось культурно-национальное совещание 1926 г.

Благодаря совещанию обществу республики смогла осуществиться обмен научным и практическим опытом, обсудить проблемы сохранения и развития культуры, языка, школы. Фактически в рамках национально-культурного совещания произошла самоидентификация бурят как части монгольского мира с единой культурой и языком. В тех социально-экономических и политических условиях были созданы условия для становления единого бурятского языка, проведена модернизация бурятской республики.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.187.1.4. «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5).

Список источников

1. Базарова В. В. Гомбожап Цыбиков о роли монгольской письменности в становлении бурятского языкознания // Власть. 2014. № 9. С. 187-191.
2. Базарова В. В. Культурно-национальное совещание 1926 года: курс на модернизацию образования в Бурят-Монголии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 1 (17). С. 25-31.
3. Базарова В. В. Реформа бурят-монгольского языка в зеркале политических дискуссий 1920-х гг. // Власть. 2012. № 6. С. 176-179.
4. Базарова В. В. Языковые эксперименты и практика политических технологий в 1920-1930-х гг. // Власть. 2009. № 2. С. 72-74.
5. Балданмаксарова Е. Е. Современные тенденции развития языкового образования в субъектах Российской Федерации (на примере Республики Бурятия) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 1. № 6 (56). С. 68-79. DOI: 10.24411/2224-0772-2018-10030.
6. Мнение: «Я был в шоке, когда узнал, что практически все слова, которые мы сейчас произносим, как русские с бурятскими окончаниями, уже есть в бурятском языке - просто мы плохо знаем свой язык» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.baikal-media.ru/news/society/361725/> (дата обращения: 20.06.2020).
7. Номогонова В. В. Национальная школа в Бурятии в 1920-1930-е гг.: проблемы формирования // Гуманитарный вектор. 2011. № 3 (27). С. 95-99.
8. Трегубова Д. Д. «Языковое строительство» в Бурят-Монгольской АССР в 1920-1930-е гг. // Человек: образ и сущность. 2017. № 1-2 (28-29). С. 185-200.
9. Центр восточных рукописей и киелографов (ЦВРК). Общий архивный фонд (ОАФ).
10. ЦВРК. Ф. 1Б. Оп. 1.

Информация об авторах | Author information

Ванчикова Цымжит Пурбуевна¹, д. ист. н.
Ринчинова Оюуна Санжимитуповна², к. ист. н.
Аюшеева Марина Васильевна³, к. ист. н.
^{1, 2, 3} Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ

Vanchikova Tsymzhit Purbuevna¹, Dr
Rinchinova Oyuna Sanzhimitupovna², PhD
Ayusheeva Marina Vasil'evna³, PhD
^{1, 2, 3} Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude

¹ vanchikova_ts@mail.ru, ² rinchinova.o@gmail.com, ³ ayagma@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.09.2020; опубликовано (published): 30.11.2020.

Ключевые слова (keywords): интеллигенция; культурно-национальное совещание 1926 г; языковая политика; социальный портрет; историческое развитие бурятского языка; intelligentsia; Cultural-National Meeting of 1926; language policy; social portrait; historical development of the Buryat language.